

DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-1-58-75

УДК 332.142.2,336.02(045)

JEL H77

Долговая нагрузка, местная бюджетная децентрализация и фискальные стимулы региональных органов власти

Е.Н. Тимушев

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Республика Коми, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5220-3841>

АННОТАЦИЯ

Автор рассматривает проблему фискальных стимулов органов региональной власти в системе федеральных межбюджетных отношений. **Цель** работы — установить, как фактор государственного долга субъектов России влияет на региональную налогово-бюджетную политику в условиях федерального софинансирования расходных обязательств. Используются **методы** группировки, одномерный кластерный анализ, корреляционный анализ, регрессия обобщенным методом моментов (system-GMM). **Установлено**, что рост долговой нагрузки региона связан со снижением уровня местной бюджетной децентрализации. Интенсивное долговое финансирование региональных расходов в 2013–2015 гг. также снижает готовность регионального софинансирования федеральных приоритетов. Сделан **вывод**, что высокая долговая нагрузка уменьшает фискальные стимулы органов власти регионов участвовать в финансировании федеральных инициатив и создает риск недофинансирования мероприятий национальных проектов. **Ключевые слова**: межбюджетные трансферты; север; государственный долг; субсидии; иные межбюджетные трансферты; нецелевые трансферты, эффект липучки; нацпроекты; корреляция

Для цитирования: Тимушев Е.Н. Долговая нагрузка, местная бюджетная децентрализация и фискальные стимулы региональных органов власти. *Финансы: теория и практика*. 2020;24(1):58-75. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-1-58-75

Debt Burden, Local Fiscal Decentralization and Fiscal Incentives of Regional Authorities

E.N. Timushev

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center "Komi Scientific Center", Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktывkar, Komi Republic, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5220-3841>

ABSTRACT

The author considers fiscal incentives of regional authorities in the system of federal intergovernmental relations. The **aim of the study** is to determine how the debt burden of Russian regions affects regional fiscal policy in the context of federal co-financing of expenditure obligations. The work employed the **methods** of grouping, one-dimensional cluster analysis, correlation analysis, and regression by generalized method of moments (system-GMM). **The study found that** the increase in the regional debt burden relates to a decrease in the level of local fiscal decentralization. Intensive debt financing of regional expenditures in 2013–2015 also reduces the willingness to regionally co-finance federal priorities. The author **concludes** that high debt burden reduces the fiscal incentives of regional authorities to co-finance federal initiatives and creates the risk of underfunding of national projects.

Keywords: intergovernmental transfers; North; public debt; subsidies; other intergovernmental transfers; general-purpose transfers; flypaper effect; national projects; correlation

For citation: Timushev E.N. Debt burden, local fiscal decentralization and fiscal incentives of regional authorities. *Finance: Theory and Practice*. 2019;24(1):58-75. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-24-1-58-75

ВВЕДЕНИЕ

Основные черты налогово-бюджетной системы России — централизация налоговых полномочий при децентрализации расходных обязательств — обуславливают необходимость широкого применения межбюджетных трансфертов.

Сохраняющаяся ресурсная зависимость экономики и высокая межрегиональная дифференциация сдерживают рост бюджетной децентрализации. Также это влияет на способность межбюджетных трансфертов балансировать между положительными и отрицательными эффектами действующей модели бюджетной децентрализации. Например, это происходит, когда централизованное управление территориальными системами вследствие высоких межрегиональных диспропорций образует вмененные издержки отказа от выявления локальных предпочтений. Возникает сниженный уровень качества управления общественным сектором, что сдерживает процессы региональной конвергенции. В связи с этим исследование факторов, роли и эффектов межбюджетных трансфертов является актуальным.

На сегодняшний день можно выделить ряд обстоятельств, дополнительно усиливающих потребность в исследовании эффектов, вызываемых структурой, объемом и способом распределения федеральных трансфертов на решения органов региональной власти:

- увеличение значимости дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности в структуре федеральных межбюджетных трансфертов, в том числе в связи с совершенствованием методики «модельного» бюджета;
- переориентация целевых межбюджетных трансфертов в связи с необходимостью реализации национальных целей в соответствии с Указом президента № 204¹;
- сохранение рисков разбалансированности бюджетных систем регионов, несмотря на повышение финансовой устойчивости консолидированных бюджетов субъектов в последние годы [1].

Тематика исследований межбюджетных отношений крайне разнообразна. Например, в целях роста эффективности М.Л. Васюнина [2] предлагает расширить предоставление субсидий и других видов межбюджетных трансфертов с четко выраженными условиями результативности использования.

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Р.А. Аландаров [3] выделил точечные недостатки распределения трансфертов в разрезе госпрограмм.

Связывание тем предоставления межбюджетных трансфертов и финансовой устойчивости также весьма популярно в литературе. В.М. Крейнделль [4] обнаружил в бюджетной системе России признаки проблемы мягких бюджетных ограничений. В более поздней работе О.В. Сучковой и А.Ю. Чемис [5] были получены более обнадеживающие результаты, согласно которым относительно развитые регионы демонстрируют признаки устойчивости в проводимой долговой политике. В.Ф. Шаров и А.К. Караев [6] осуществили моделирование пределов устойчивости в бюджетной системе в целом. В работе [7] обсуждаются меры политики межбюджетных отношений с точки зрения снижения рисков региональной финансовой устойчивости. В то же время при всем разнообразии работ на данную тему анализ стимулов, которые вызывает федеральный межбюджетный трансферт у органов региональной власти при том или ином уровне накопленного долга данного региона, получает в литературе сравнительно мало внимания.

Цель данной работы — установить, как минувший период роста долговой нагрузки и рисков утраты финансовой устойчивости бюджетов субъектов России может отразиться на налогово-бюджетной политике региональных органов власти с точки зрения распределения собственных бюджетных средств при федеральном софинансировании расходных обязательств.

МЕТОДИКА

В данной работе уровень государственного долга (госдолга) субъектов России исчисляется как соотношение величины задолженности и объема собственных (налоговых и неналоговых) доходов.

Анализ влияния накопленной задолженности на фискальные стимулы органов региональной власти при получении федеральных межбюджетных трансфертов осуществляется в четыре этапа:

1. Распределение субъектов России на две группы по признаку средней величины государственного долга за 2008–2018 гг. Применяется одномерный кластерный анализ путем расчета евклидова расстояния между субъектами по величине данного показателя. К первой группе отнесены субъекты с наименьшей (в среднем, 0,23) величиной госдолга, ко второй группе — субъекты с наибольшей величиной показателя (в среднем 0,66).

2. Анализ динамики государственного долга за 2008–2018 гг. в разрезе групп субъектов (фе-

деральных округов², северных регионов³, первой и второй групп по показателю госдолга) и по России в целом.

3. Расчет коэффициентов парной линейной корреляции между величиной государственного долга и показателями местной бюджетной децентрализации в расходном и доходном аспекте. Цель данного этапа — выявить критерий группировки субъектов, отличный от признака уровня госдолга, для более глубокого анализа потенциальных эффектов последнего на стимулы региональной власти в сфере бюджетной политики. Вполне возможно, что более развитый уровень местных финансов (большой уровень местной децентрализации) может играть определенную роль в формировании фискальных стимулов на региональном уровне после получения федеральных трансфертов.

4. Непосредственно анализ фискальных стимулов по нижеприведенной методике.

В данной работе методом анализа последствий предоставления федеральных межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов России с точки зрения возникающих у органов региональной власти стимулов при принятии фискальных решений (фискальных стимулов) является эффект высокой зависимости расходов от межбюджетных трансфертов (в зарубежной литературе — эффект липучки (flypaper effect) [8, 9]).

Зависимость расходов от трансфертов считается существующей, если единица прироста трансферта вызывает больший прирост расходов, чем эквивалентная по величине единица прироста частного дохода на территории. Упрощенно это может указывать на фискальный режим, благоприятный для политики бюджета-донора — бюджет, получающий бюджетные средства по линии трансфертов, расходует их гораздо охотнее, чем средства, полученные им от местного налогообложения. В этом случае преимущественно реализуются интересы бюджета-донора.

² Далее используются следующие обозначения федеральных округов России: ЦФО — Центральный, СЗФО — Северо-Западный, ЮФО — Южный (кроме Республики Крым и г. Севастополя), СКФО — Северокавказский, ПФО — Приволжский, УФО — Уральский, СФО — Сибирский, ДВФО — Дальневосточный.

³ К северным субъектам отнесены регионы, вся территория которых относится к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (кроме Республики Тыва): Республика Карелия, Республика Коми, Ненецкий АО, Архангельская область, Мурманская область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область и Чукотский АО.

R. Logan [10] считает, что выделение трансферта лишает систему финансовых ресурсов вследствие возникновения элемента фискальной иллюзии. Рост расходов на уровне получателя в некой степени компенсирует эту потерю, но за счет частного сектора экономики. *Противоположный случай* — если вклад фактора частных доходов в объем региональных расходов выше, чем вклад федерального трансферта. Это указывает на то, что бюджет, получающий бюджетные средства по линии трансфертов, НЕ считает их источниками формирования расходов, отличных от собственных налоговых доходов. Органы власти бюджета-получателя вполне могут распределить часть средств трансферта на сокращение налоговой нагрузки (что в интересах налогоплательщиков-избирателей) либо уменьшение дефицита/накопленного долга без увеличения прямых расходов. В такой ситуации делается вывод, что для бюджета-получателя интересы местных налогоплательщиков считаются относительно более важными, чем интересы бюджета-донора.

В данной работе мы основываемся на подходе, представленном в [11], и сравниваем коэффициенты α и β в модели (1).

$$\text{Расходы}_{it} = \text{Частн.доходы}_{it}^{\alpha} \times \text{Фед.трансферт}_{it}^{\beta} \times \prod \text{Вспомогат.переменные}_{it}^{\gamma} \times \varepsilon_{it} \quad (1)$$

Вклад переменных рассчитан через частные производные. Например, для переменной федеральных трансфертов вклад в прирост расходов на единицу собственной величины равен:

$$\frac{\partial \text{Расходы}}{\partial \text{Фед.трансферт}} = \beta \times \text{Фед.трансферт}^{(\beta-1)} \times \text{Частн.доходы}_{it}^{\alpha} \times \prod \text{Вспомогат.переменные}_{it}^{\gamma} \quad (2)$$

Периодом анализа выступают 2008–2018 гг. в целом, а также подпериоды 2011–2018 и 2014–2018 гг. Деление на подпериоды позволяет оценить, как менялся вклад факторов в формировании расходов и насколько современные тенденции отличаются от предыдущих.

Показателем частных доходов является средняя начисленная заработная плата в регионе (по данным Росстата), расходов — непосредственно расходы бюджетов субъектов России (по данным Казначейства России), федеральных трансфертов — все основные федеральные трансферты⁴.

⁴ Все абсолютные показатели пересчитываются в расчете на численность населения регионов, корректируются

Вспомогательными переменными выступают три показателя:

- 1) численность занятых в организациях государственной формы собственности, доля от численности занятых;
- 2) численность населения нетрудоспособного возраста, доля от численности населения;
- 3) уровень безработицы.

Использование данных показателей необходимо для контроля на факторы повышения расходов бюджета субъекта, не связанные с детерминантами частного дохода и трансферта.

В данной работе мы расширяем количество видов трансфертов по сравнению с [11] и существенно упрощаем модель и расчеты, при этом не ослабляя главные условия получения достоверных оценок. Так, включение в анализ всех видов межбюджетных трансфертов исключает проблему произвольного выбора вида трансферта, показанную в [12]. Другими основными элементами модели должна быть нелинейность спецификации [13], а также контроль ситуации эндогенности — влияния зависимой переменной на одну или несколько объясняющих переменных [14, 15]. Уравнение (1) линеаризуется через натуральный логарифм и оценивается обобщенным методом моментов (system-GMM) [16], предполагающим устранение проблемы эндогенности.

При интерпретации количественных результатов рассчитывается разница вклада фактора федерального трансферта и вклада фактора частных доходов (расчеты показаны далее по тексту в *табл. 3 и 4*). В соответствии с вышеприведенной методикой в случае положительной разницы следует говорить о региональном фискальном режиме, относительно более благоприятном для федерального бюджета. В случае, если разница отрицательная — режим относительно более благоприятный для местного/регионального налогоплательщика.

Поясним подробнее, каким образом в данной работе осуществлялась интерпретация полученных количественных результатов анализа.

При положительном знаке величины разницы вкладов двух факторов (федерального трансферта и частных доходов) можно утверждать о склонности органов власти региона софинансировать приоритеты федеральной налогово-бюджетной

на индекс потребительских цен с целью приведения их на уровень 2017 г. и учитывают величину индекса бюджетных расходов (ИБР), предназначенного для нивелирования межрегиональных различий. ИБР используется в федеральной методике распределения дотаций на выравнивание.

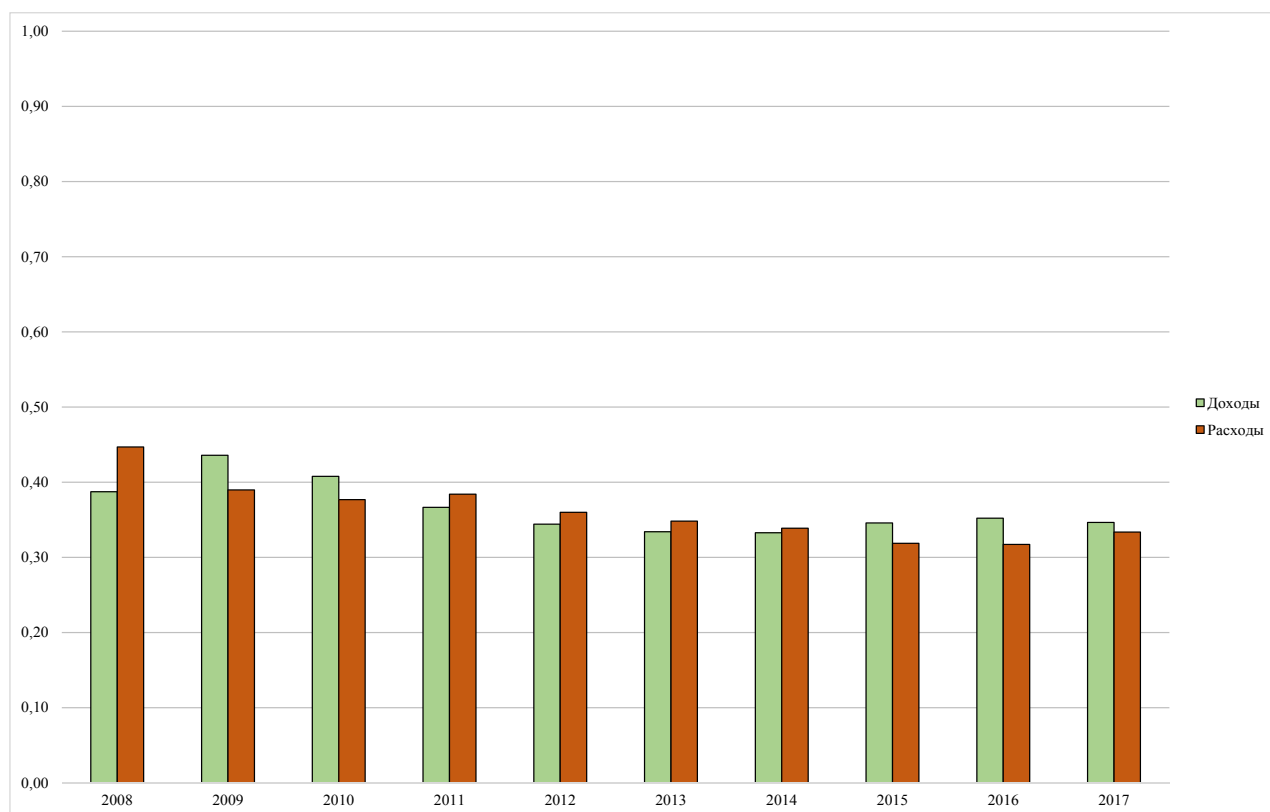
политики и увеличивать общие бюджетные расходы. Это также указывает на отсутствие намерения сократить уровень госдолга, нежелание снижать собственные доходы через уменьшение региональной налоговой нагрузки и/или замещение доходов федеральными трансфертами. Подобное развитие событий является сигналом о готовности органов региональной власти распределять финансовые ресурсы на мероприятия по достижению федеральных национальных проектов. При учете фактора государственного долга в расчетах данный результат может указывать также на независимость решений о региональных бюджетных расходах от состояния задолженности.

Напротив, **при отрицательном знаке величины разницы вкладов двух факторов** можно утверждать о склонности сдерживать общие региональные расходы, что может недофинансировать реализацию федеральной политики. Это также указывает на намерение уменьшить долговую нагрузку за счет трансферта, на возможность снижения региональной налоговой нагрузки и/или замещения собственных доходов федеральными трансфертами. Оба действия сокращают прямые расходы бюджета субъекта и противоречат интересам федерального бюджета. Одним из возможных объяснений такого развития событий можно считать то, что уровень госдолга субъекта достиг той величины, при которой органы региональной власти начинают проявлять повышенное беспокойство о рисках снижения финансовой устойчивости.

Следует сделать важную оговорку о том, что даже в случае готовности органов региональной власти распределять финансовые ресурсы в целях реализации федеральной политики (положительная величина разницы вкладов двух факторов) высокий уровень госдолга означает риски для устойчивого развития экономики региона, прежде всего в форме сдерживания частных региональных инвестиций [17, 18].

ТЕНДЕНЦИИ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ФИСКАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ

Бюджетная система России в настоящее время находится в состоянии доходной и расходной *централизации* [19, 20]. Это объясняется распределением налоговых доходов и характером влияния вышестоящего бюджета на расходные обязательства нижестоящего бюджета. Малый уровень местной бюджетной децентрализации не позволяет реализовать выгоды бюджетной децентрализации, однако и не приводит к уменьшению

Рис. 1 / Fig. 1. Доля доходов и расходов консолидированного бюджета субъектов в параметрах консолидированного бюджета России, ед. / Share of revenues and expenditures of the consolidated budget of subjects in the parameters of the consolidated budget of Russia, units

Источник / Source: Росстат (сборник «Финансы России»), расчеты автора / Rosstat (collection “Finance Of Russia”), author’s calculations.

Примечание / Note: с учетом внебюджетных фондов, с учетом внебюджетных фондов. Трансферты считаются расходами бюджета-донора / including extrabudgetary funds, including extrabudgetary funds. Transfers belong to expenditures of a donor budget.

межрегиональной дифференциации [21]. Тренд сокращения доли субъектов в консолидированных параметрах бюджетной системы России (с учетом внебюджетных фондов) за 2008–2014 гг. и тенденция стагнации — за 2015–2017 гг. — показаны на рис. 1. В настоящее время удельный вес доходов и расходов консолидированных бюджетов субъектов России в совокупном объеме параметров консолидированного бюджета России составляет примерно 35%. В начале рассматриваемого периода величина показателя составляла примерно 40% от доходов и расходов бюджетной системы в целом.

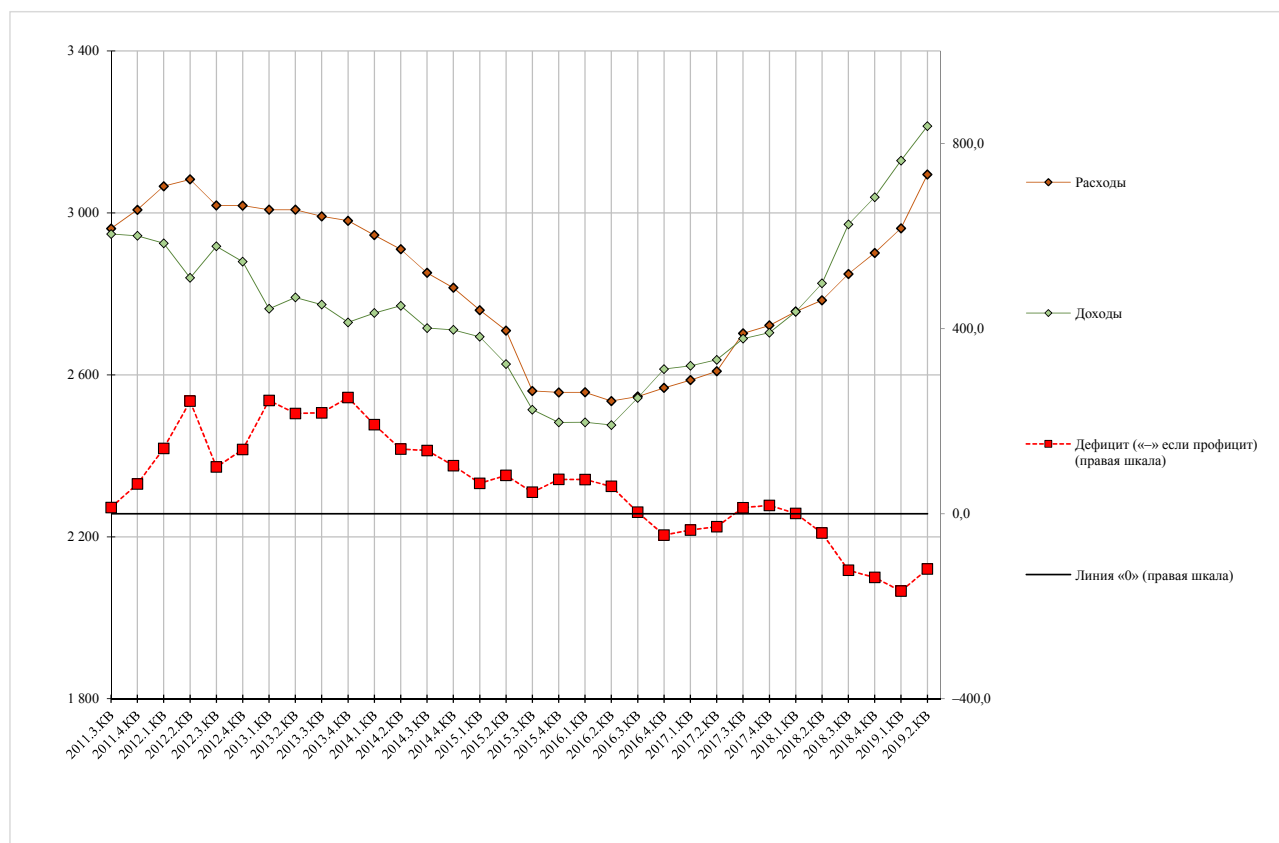
Повышение цен на нефть и меры федеральной политики — межбюджетное выравнивание, привязанное к исполнению индивидуальных соглашений по сдерживанию расходов, а также выделение бюджетных кредитов позволили консолидированным бюджетам субъектов России к концу 2018 г. вернуться на прежние величины основных параметров (рис. 2) [22]. По данным Банка России, в 2018 г. в бюджетной системе наблюдался профицит

финансовых ресурсов (впервые с 2012 г.). Данная тенденция сохранилась и в первой половине 2019 г.⁵ Однако проблему региональной задолженности усложняют высокая неоднородность субъектов, в том числе по показателю величины госдолга, и то, что величина складывающегося профицита пока не может обеспечить существенного снижения накопленной задолженности.

При продолжающейся централизации отечественной бюджетной системы особую значимость в ней приобретают межбюджетные отношения, так как они определяют распределение налоговых и расходных полномочий.

Рекомендации по росту эффективности межбюджетных отношений в отечественной академической литературе в большинстве случаев

⁵ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов. Утв. Банком России 25.10.2019. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика основных параметров консолидированных бюджетов субъектов России, млрд руб. / Dynamics of the main parameters of consolidated budgets of Russia's constituent entities, billion rubles

Источник / Source: Минфин России, расчеты автора / Ministry of Finance of Russia, author's calculations.

Примечание / Note: очищено от сезонных и случайных колебаний через четырехквартальную скользящую среднюю. В ценах 2017 г. / cleared of seasonal and random fluctuations through the four-quarter moving average. Prices of 2017.

основываются на структуре и условиях выделения межбюджетных трансфертов [23, с. 65]. В литературе по межбюджетным отношениям основное внимание уделяется функциям сбалансированности, стимулирования роста собственных доходов и выравнивания параметров нижестоящих бюджетов [24]. В то же время анализу стимулирующей функции федеральных трансфертов с точки зрения их сравнительного преимущества перед фактором частных доходов в том или ином регионе уделяется, как правило, крайне мало внимания. Данное обстоятельство выступило одним из мотивов проведения данного исследования, как и возможность проанализировать влияние разных видов федеральных межбюджетных трансфертов, выполняющих разные функции. Последнее уточнение во многом условно, так как функции выравнивания и стимулирования роста доходов могут быть инкорпорированы в единый вид межбюджетного трансферта (например, дотации на выравнивание в бюджетной системе России) [25].

При анализе стимулирования роста собственных доходов с учетом результатов группировки субъектов по тем или иным признакам весьма популярно деление регионов по уровню доходов или бюджетной обеспеченности [см., например, 26]. В данной работе субъекты делятся по признаку величины государственного долга.

Основные исследования роли долговой нагрузки бюджета анализируют ее воздействие на темпы экономического роста и динамику факторов производства. Так, осуществляется поиск каналов воздействия [27, 28], либо пороговых уровней величины госдолга [29, 30]. М. П. Афанасьев и Н. Н. Шаш [31] предостерегают от долгового финансирования текущих расходов в России, в том числе на региональном уровне, так как это занижает потенциальный положительный эффект налогово-бюджетной политики. В экономике с сохраняющейся ресурсной зависимостью и формирующимся рынком негативные эффекты долговой нагрузки сочетаются с пагубным влиянием нестабильности макроэко-

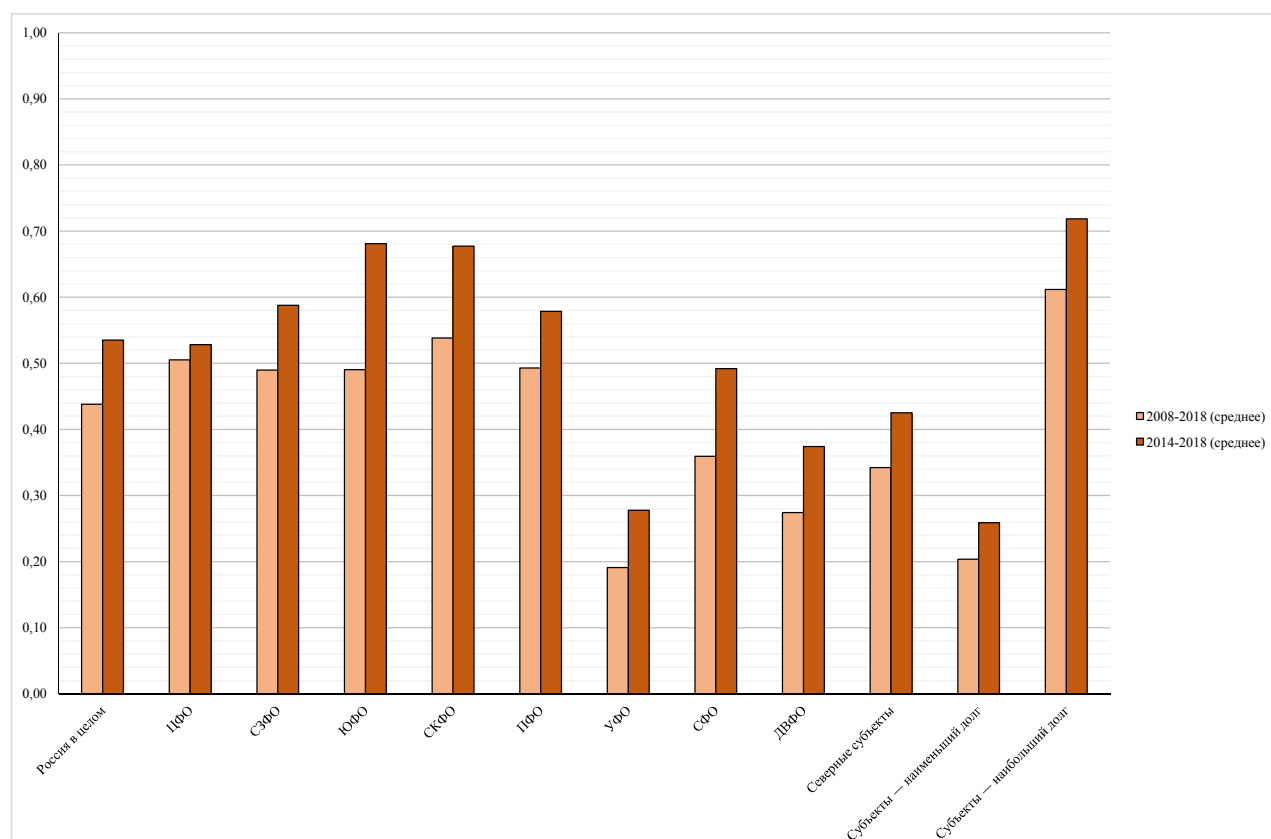

Рис. 3 / Fig. 3. Средневзвешенная величина госдолга в разрезе федеральных округов России и групп субъектов, ед. / Weighted average public debt by Russia's federal districts and groups of constituent entities, units.

Источник / Source: Казначейство России, расчеты автора / Treasury of Russia, author's calculations.

Примечание / Note: вес — численность населения субъектов / the weight is the population of the constituent entities.

номических показателей. Особенность данной работы состоит в исследовании роли величины долга в формировании органами государственной власти соответствующего субъекта решений о распределении собственных бюджетных средств в условиях федерального софинансирования.

Факт невысокой финансовой самостоятельности органов региональной и муниципальной власти с большой долей вероятности подразумевает сравнительно высокое влияние межбюджетного трансферта при принятии решений об объеме расходов. В контексте данной работы интерес представляет учет величины госдолга субъекта России в качестве опосредующего фактора в сравнительном анализе частных доходов и трансфертов. Важное значение имеет динамика искомых коэффициентов и их величина.

РЕЗУЛЬТАТЫ

За период 2014–2018 гг. уровень госдолга субъектов России существенно увеличился (рис. 3). Наибольший уровень задолженности наблюдается в регионах ЮФО и СКФО, наименьший — в УФО.

Северные регионы России, включающие обеспеченные регионы УФО, имеют сравнительно низкую долговую нагрузку. Следует отметить, что прирост госдолга субъектов, имеющих наибольшую среднюю величину показателя, был выше (в п.п.), чем у субъектов с относительной малой величиной задолженности.

Достаточно большую часть субъектов России можно отнести к группе тех, которые имеют относительно высокие значения государственного долга (табл. 1). Кроме УФО, СФО и ДВФО (а также группы северных регионов России), большинство субъектов федеральных округов имеют высокую долговую нагрузку. Наибольшая доля регионов с относительно большим госдолгом входит в состав СКФО.

Наиболее неблагоприятными периодами с точки зрения роста госдолга были 2009 и 2013–2015 гг. (рис. 4). В 2016–2018 гг. величина задолженности субъектов России начала сокращаться, причем для группы регионов с наибольшим долгом его уровень уменьшался опережающим темпом, что следует оценить положительно. Долговая нагрузка в северных регионах заметно меньше, чем в среднем

Таблица 1 / Table 1

Распределение субъектов по группам в зависимости от величины государственного долга, в разрезе федеральных округов, ед. / Groups of constituent entities depending on the size of public debt, by federal districts, units.

Группа регионов / Group of regions	Группа 1 (наименьший уровень долга) / Group 1 (least debt)		Группа 2 (наибольший уровень долга) / Group 2 (greatest debt)	
	Количество / Number	Доля от числа регионов в ФО, % / Proportion of the number of regions in the federal district, %	Количество / Number	Доля от числа регионов в ФО, % / Proportion of the number of regions in the federal district, %
Все субъекты / All subjects	34	41	49	59
Центральный (ЦФО) / Central	6	33	12	67
Северо-Западный (СЗФО) / North-West	5	45	6	55
Южный (ЮФО) / Southern	2	33	4	67
Северо-Кавказский (СКФО) / North Caucasus	1	14	6	86
Приволжский (ПФО) / Volga	4	29	10	71
Уральский (УФО) / Ural	5	83	1	17
Сибирский (СФО) / Siberian	6	50	6	50
Дальневосточный (ДВФО) / Far Eastern	5	56	4	44
Северные субъекты / Northern subjects	8	67	4	33

Источник / Source: расчеты автора по данным Казначейства России / author's calculations based on the data from the Treasury of Russia.

Примечание / Note: по средним данным за 2008–2018 гг. В анализе не участвуют г. Севастополь и Республика Крым. Группы субъектов выделены на основе одномерной кластеризации (евклидово расстояние между величинами по субъектам). Данные о результатах группировки, в том числе материалы графического анализа, доступны от автора по отдельному запросу / average data for 2008–2018. The analysis does not involve the city of Sevastopol and the Republic of Crimea. Groups of constituent entities are distinguished by one-dimensional clustering (Euclidean distance between values by constituent entities). The results of grouping, including graphical analysis materials, are available upon a request to the author.

по России, что объяснимо более высоким уровнем бюджетной обеспеченности и меньшей необходимостью прибегать к заимствованиям.

Анализ межокружной динамики уровня госдолга позволяет осуществить группировку федеральных округов России (рис. 5). Можно выделить три группы регионов. Похожей динамикой показателя характеризуются регионы СЗФО, ЮФО и СКФО с одной стороны, и УФО, СФО и ДВФО — с другой. Для регионов ЦФО наблюдается относительно самостоятельное движение показателя. В то же время траектории динамики всех федеральных округов весьма схожи.

Сравнительно высокий уровень расходной бюджетной децентрализации сопровождается относительно низким уровнем задолженности

бюджетов субъектов (табл. 2). Это согласуется с выводом о благоприятном воздействии широких местных полномочий на приверженность соответствующих органов управления фискальной дисциплине [32, 33]. Данный тезис особенно выражен в случае расходной бюджетной децентрализации. Обратная связь долговой нагрузки и децентрализации также означает, что в случае роста госдолга происходит уменьшение местных полномочий. Фактор долговой нагрузки может частично объяснять тенденцию снижения местной децентрализации в России

Количественные оценки отрицательной взаимосвязи местной децентрализации по расходам и уровнем госдолга примерно одинаковы по всем группам субъектов. В то же время для субъектов

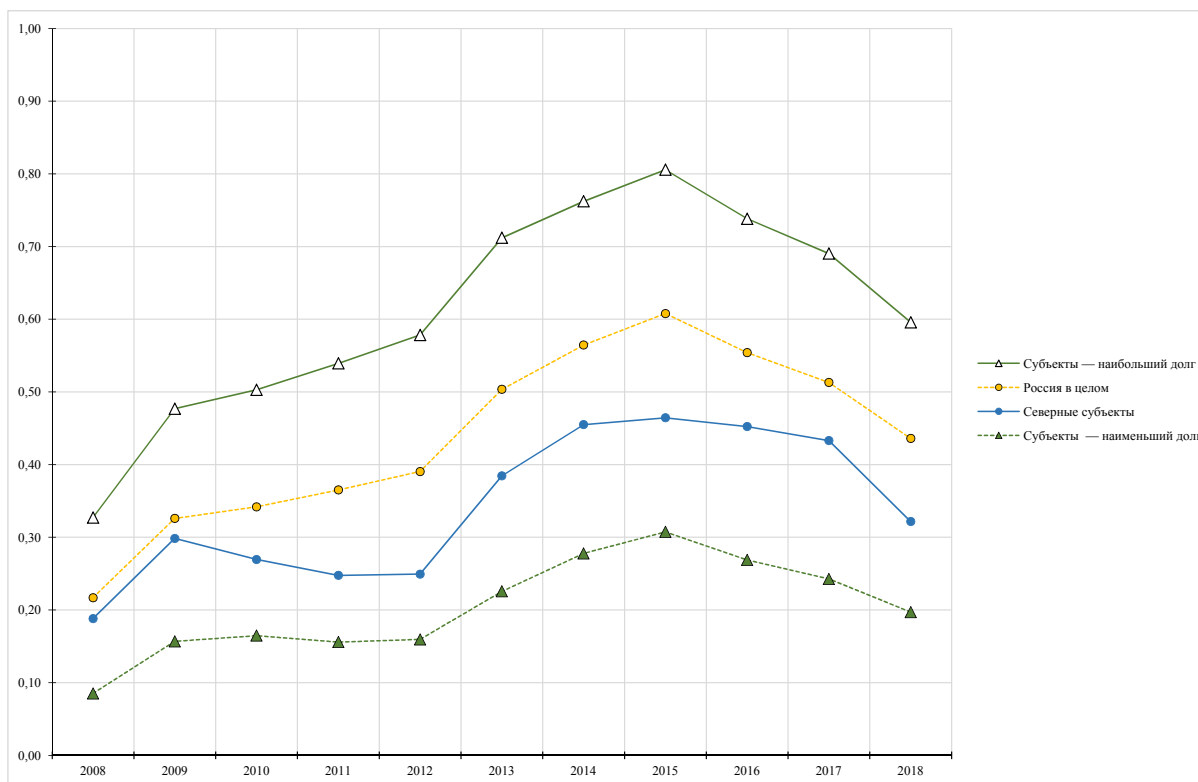

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика величины госдолга в разрезе групп субъектов России в 2008–2018 гг., ед. / Dynamics of public debt by the groups of Russia's constituent entities in 2008–018, units.

Источник / Source: Казначейство России, расчеты автора / Treasury of Russia, author's calculations.

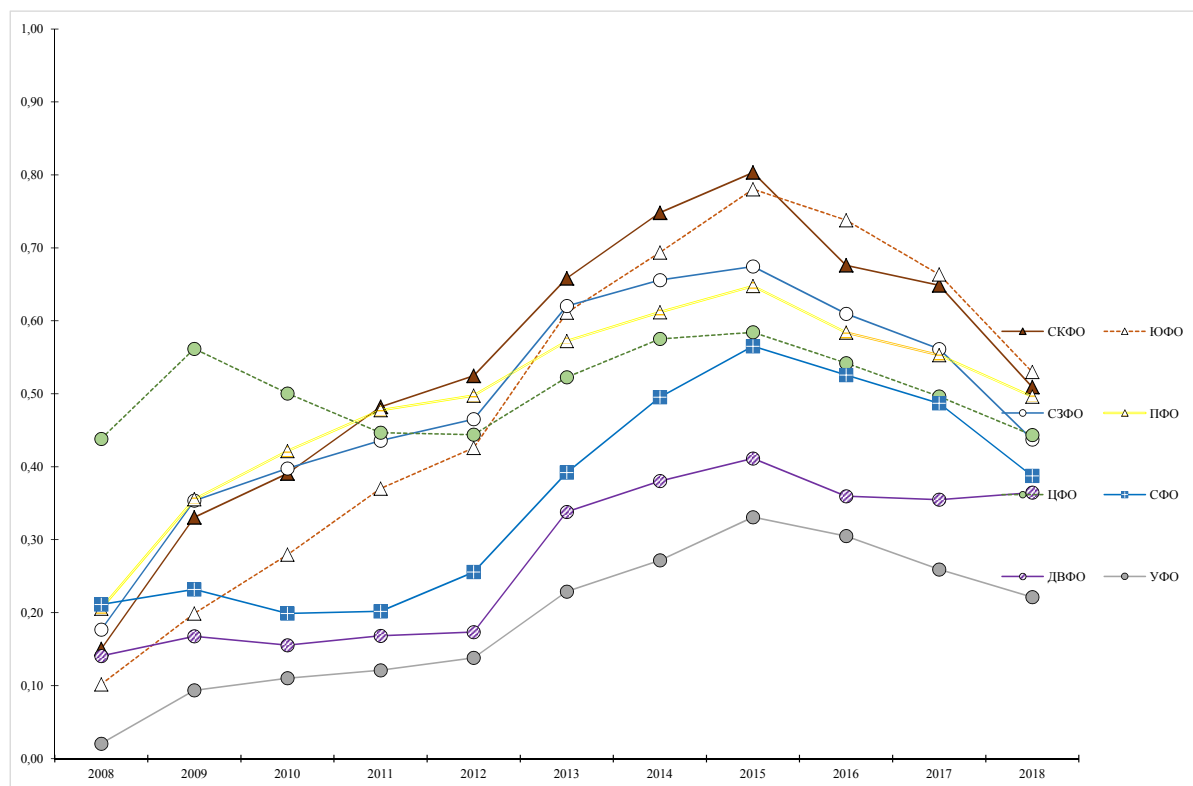

Рис. 5 / Fig. 5. Динамика величины госдолга федеральных округов России в 2008–2018 гг., ед. / Dynamics of public debt of Russia's federal districts in 2008–2018, units.

Источник / Source: Казначейство России, расчеты автора / Treasury of Russia, author's calculations.

Таблица 2 / Table 2

Парные коэффициенты корреляции показателя объема государственного долга субъектов и показателей местной бюджетной децентрализации в разрезе групп субъектов России, ед. / Paired correlation coefficients of the public debt and local budget decentralization indicators by groups of Russia's constituent entities, units

Показатель местной бюджетной децентрализации / Local budget decentralization indicator	Россия в целом / Russia as a whole	Северные субъекты / Northern constituent entities	Субъекты с малой величиной госдолга / Constituent entities with small public debt	Субъекты с большой величиной госдолга / Constituent entities with high public debt
Доля расходов местных бюджетов в консолидированных расходах региона (субвенции относятся к расходам бюджета субъекта) / Share of local budgets in consolidated expenditures of the region (subventions refer to the expenditures of the regional budget)	-0,41*	-0,48*	-0,42*	-0,30*
Доля собственных доходов местных бюджетов в структуре их доходов / Share of own revenues of local budgets in the structure of overall revenues	-0,11*	0	0	-0,10*

Источник / Source: Казначейство России, расчеты автора / author's calculations, Treasury of Russia.

Примечание / Note: * – коэффициент статистически значим по критерию Стьюдента. На основе данных по всем субъектам, кроме г. Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя и Республики Крым, за 2008–2018 гг. / *: * – the coefficient is statistically significant according to the Student's criterion. Based on data for all constituent entities, except Moscow, St. Petersburg, Sevastopol and the Republic of Crimea, 2008–2018.

с относительно высокой задолженностью эффект децентрализации заметно слабее. Напротив, при рассмотрении доходной децентрализации по структуре местных доходов анализируемая взаимосвязь весьма слабая, и сравнительный межгрупповой анализ нецелесообразен.

Таким образом, предполагаемый положительный эффект местной бюджетной децентрализации на уровень госдолга (а именно, относительно малый долг и фискальная дисциплина при заметных полномочиях на местном уровне) почти не зависит ни от его величины, ни от географического расположения субъектов. Это позволяет сделать вывод о нецелесообразности усложнения регрессионного анализа по модели (1) путем дополнительного рассмотрения разных групп субъектов по признаку величины местной бюджетной децентрализации.

Таблица 3 подытоживает результаты расчетов по модели (1) по данным для России в целом⁶.

Данные табл. 3 иллюстрирует рис. 6. Без учета иных межбюджетных трансфертов функция федеральных трансфертов, заключающаяся в стимулировании расходов бюджета субъекта, снижается, и в 2014–2018 гг. она была почти нулевой. Предоставление дотаций на сбалансированность вовсе замещает собственные доходы бюджета субъекта, так как вклад данного трансферта в расходы отрицателен⁷. Наибольшую относительную величину вклада федерального трансферта приносят субвенции (0,043) и иные межбюджетные трансферты

⁶ Детали регрессионного анализа не приводятся, но доступны от автора по отдельному запросу.

⁷ Равен -0,014 за 2014–2018 гг., соответствующие данные по всем видам трансфертов не приводятся, но доступны от автора по отдельному запросу.

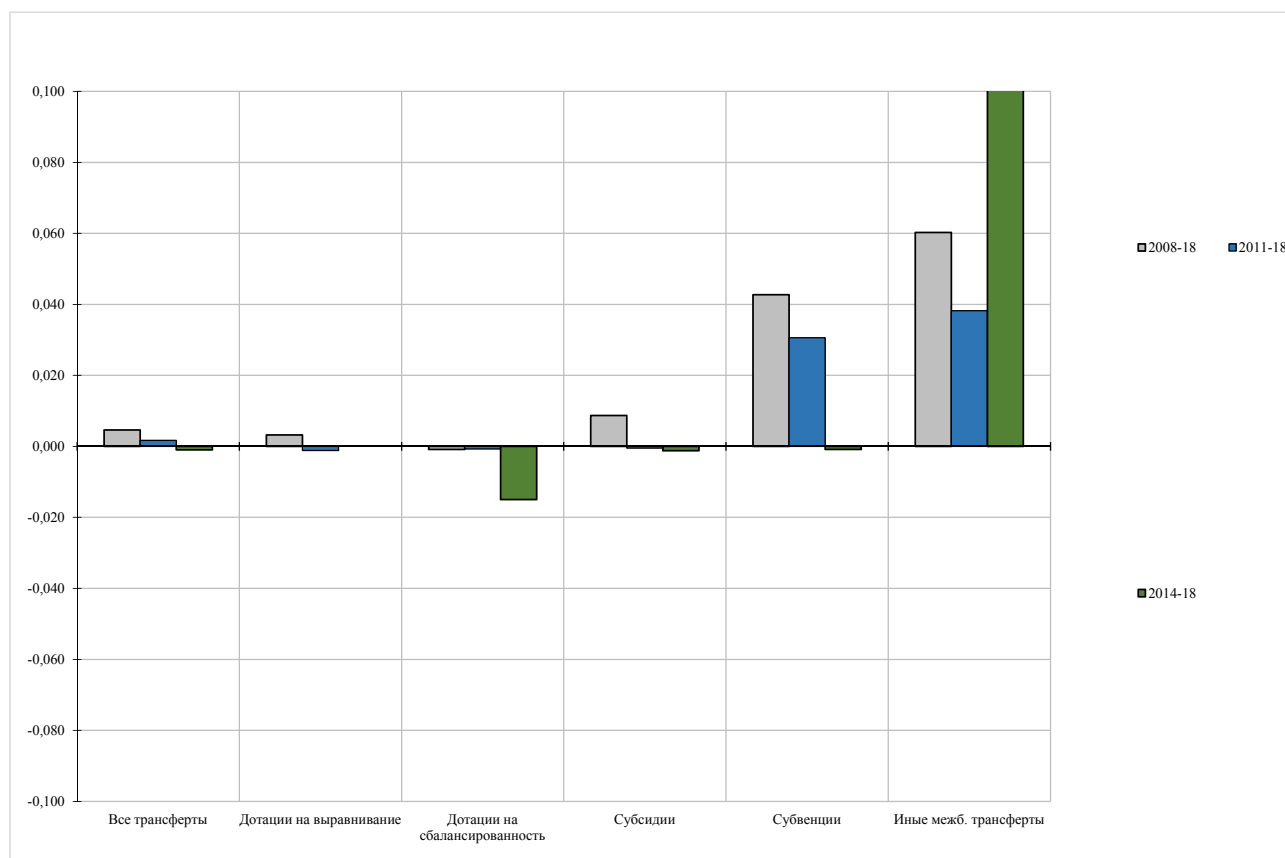
Таблица 3 / Table 3

Разница вклада фактора федерального трансферта и вклада частных доходов / Difference between the contribution of the federal transfer factor and the contribution of private income

Вид трансферта / Type of transfer	2008–2018	2011–2018	2014–2018
Все трансферты / All transfers	0,005	0,002	-0,001
Дотации на выравнивание / Equalization grants	0,003	-0,001	0,000
Дотации на сбалансированность / Balancing grants	-0,001	-0,001	-0,015
Субсидии / Subsidies	0,009	0,000	-0,001
Субвенции / Subventions	0,043	0,031	-0,001
Иные межбюджетные трансферты / Other intergovernmental transfers	0,060	0,038	0,170

Источник / Source: Казначейство России, расчеты автора / author's calculations, Treasury of Russia.

Примечание / Note: Разница больше нуля означает, что влияние федерального трансферта на прирост расходов сильнее, чем влияние частных доходов на территории субъекта (существует эффект липучки = эффект высокой зависимости расходов от межбюджетных трансфертов, благоприятный для политики бюджета-донора) / The difference greater than zero means that the impact of federal transfers on spending growth is stronger than the impact of private income factor in the constituent entity (there is a flypaper effect = the effect of high dependence of expenditures on intergovernmental transfers which is favorable for the donor budget policy).

Рис. 6 / Fig. 6. Разница вклада фактора федерального трансферта и вклада частных доходов, Россия в целом / Difference between the contribution of the federal transfer factor and the contribution of private income factor, Russia as a whole

Источник / Source: по данным табл. 3 / based on Table 3.

Таблица 4 / Table 4

**Разница вклада фактора федерального трансферта и вклада частных доходов, группы субъектов /
Difference between the contribution of the federal transfer factor and the private income factor, groups
of constituent entities**

Вид трансферта / Type of transfer	Субъекты с малой величиной госдолга / Constituent entities with small public debt			Субъекты с большой величиной госдолга / Constituent entities with high public debt			Северные субъекты / Northern constituent entities		
	2008– 2018	2011– 2018	2014– 2018	2008– 2018	2011– 2018	2014– 2018	2008– 2018	2011– 2018	2014– 2018
Все трансферты / All transfers	0,002	0,000	0,000	0,055	0,046	0,011	0,006	–0,014	0,000
Дотации на выравнивание / Equalization grants	0,008	–0,003	–0,007	0,000	0,000	0,000	–0,010	0,000	0,000
Дотации на сбалансированность / Balancing grants	–0,022	–0,025	0,000	0,000	–0,001	–0,001	0,000	0,000	0,000
Субсидии / Subsidies	0,000	0,000	0,000	0,078	0,092	0,018	0,028	–0,128	0,163
Субвенции / Subventions	0,000	0,029	0,000	0,068	–0,001	0,000	0,046	–0,246	0,000
Иные межбюджетные трансферты / Other intergovernmental transfers	0,072	0,044	0,166	0,080	0,084	0,064	0,083	–0,313	0,133

Источник / Source: Казначейство России, расчеты автора / author's calculations, Treasury of Russia.

(0,060), однако данный показатель (для субвенций) также снижается.

Таким образом, в настоящее время стимулирующая функция федеральных межбюджетных трансфертов по России в целом уменьшается. Для органов региональной власти субъектов уменьшается важность приоритетов федерального уровня по сравнению с интересами местных налогоплательщиков по сокращению налоговой нагрузки. Это указывает на уменьшение в регионах фискальных стимулов, сближающих интересы федерального и региональных бюджетов в выборе направлений расходов и их адекватном финансировании.

Возможное объяснение данного феномена — сохраняющаяся высокая долговая нагрузка. Долговое финансирование текущих расходов, наблюдавшееся в последние годы, может сдерживать расходы бюджетов субъектов, которые финансируются собственными доходами. Иными словами, вероятно замещение собственных доходов/расходов федеральными трансфертами при намерении снизить объем накопленного долга. Это может содержать риск недофинансирования мероприятий национальных проектов.

Если высказанное предположение о влиянии фактора госдолга на сокращение влияния федерального бюджета на параметры бюджета субъекта верно, в субъектах с относительно большим уровнем госдолга разница вклада фактора федерального трансферта и вклада частных доходов должна быть

более выраженной и сокращаться намного сильнее за рассматриваемый период, чем в субъектах с относительно малой величиной задолженности.

Результаты расчетов по модели (1) в разрезе групп субъектов по величине госдолга приведены в табл. 4.

Сравнение рис. 7 и 8, иллюстрирующих данные табл. 4, позволяет утверждать о верности высказанной гипотезы. Действительно, в группе субъектов с высоким госдолгом уменьшение разницы вклада фактора федерального трансферта и вклада частных доходов в 2014–2018 по сравнению с общим периодом 2008–2018 гг. было особенно заметным.

Относительно высокое (по сравнению с вкладом частных доходов) значение вклада иных межбюджетных трансфертов в формирование величины расходов бюджета субъекта по всем субъектам России (показано выше на рис. 6) формируется за счет субъектов со сравнительно малой величиной госдолга (рис. 7). Напротив, для регионов со сравнительно большим госдолгом относительный количественный вклад субсидий и иных межбюджетных трансфертов примерно совпадает. Однако важность субсидий для региональных расходов в 2014–2018 гг. резко уменьшилась, что также подтверждает гипотезу о том, что большая величина долга снижает намерения органов власти регионов расширять собственные расходы вслед за федеральным софинансированием. В числе вероятных негативных последствий подобных

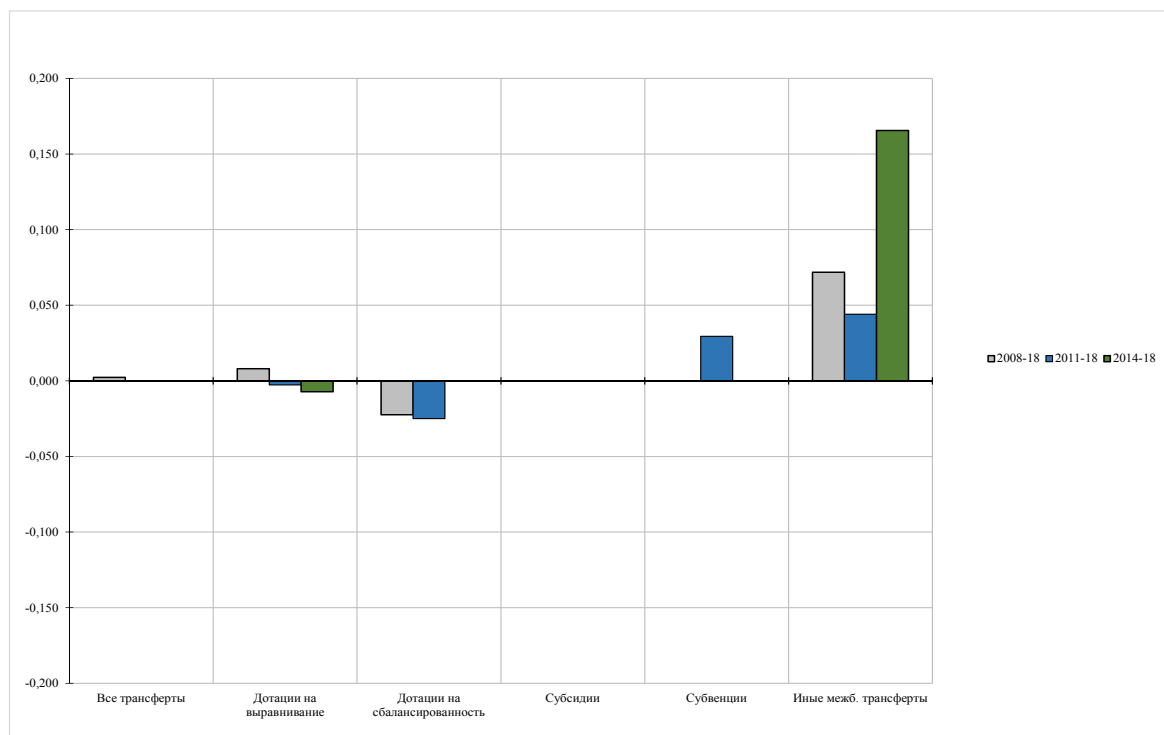

Рис. 7 / Fig. 7. Разница вклада фактора федерального трансферта и вклада частных доходов, субъекты с наименьшей величиной госдолга в среднем за 2008–2018 гг. / Difference between the contribution of the federal transfer factor and the contribution of private income factor, constituent entities with small public debt, average for 2008–2018

Источник / Source: по данным таблицы 4 / based on Table 4.

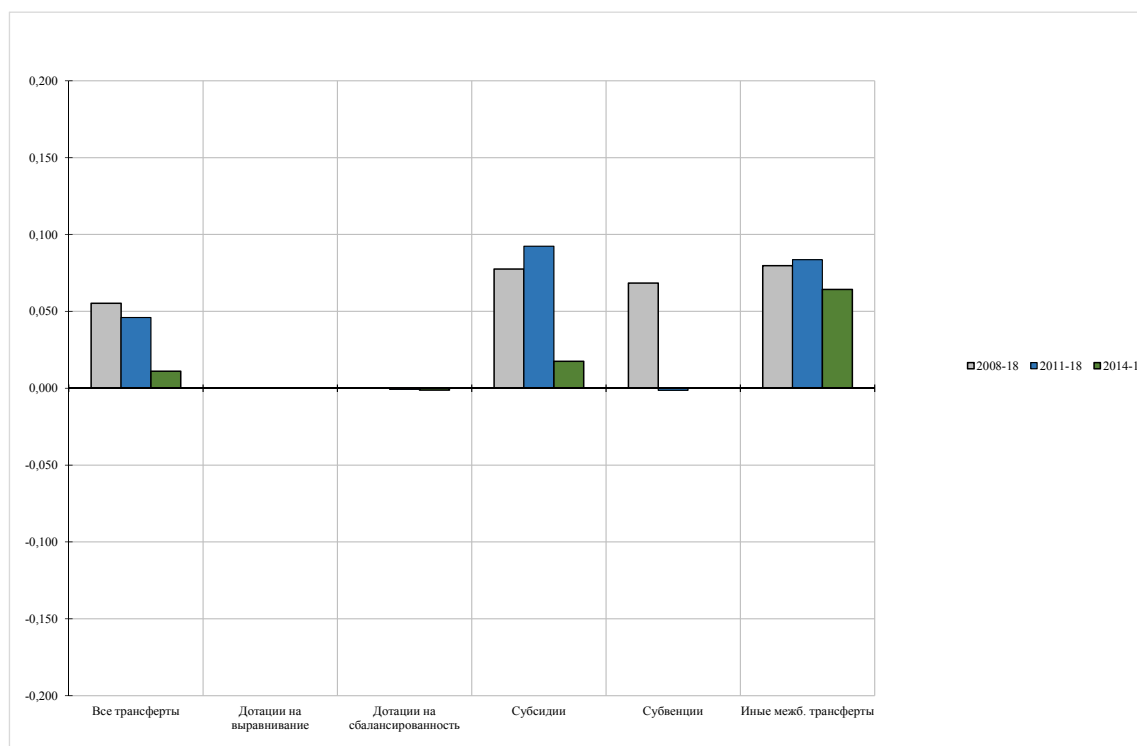

Рис. 8 / Fig. 8. Разница вклада фактора федерального трансферта и вклада частных доходов, субъекты с наибольшей величиной госдолга в среднем за 2008–2018 гг. / Difference between the contribution of the federal transfer factor and the contribution of private income factor, constituent entities with the highest public debt, average for 2008–2018

Источник / Source: по данным табл. 4 / based on Table 4.

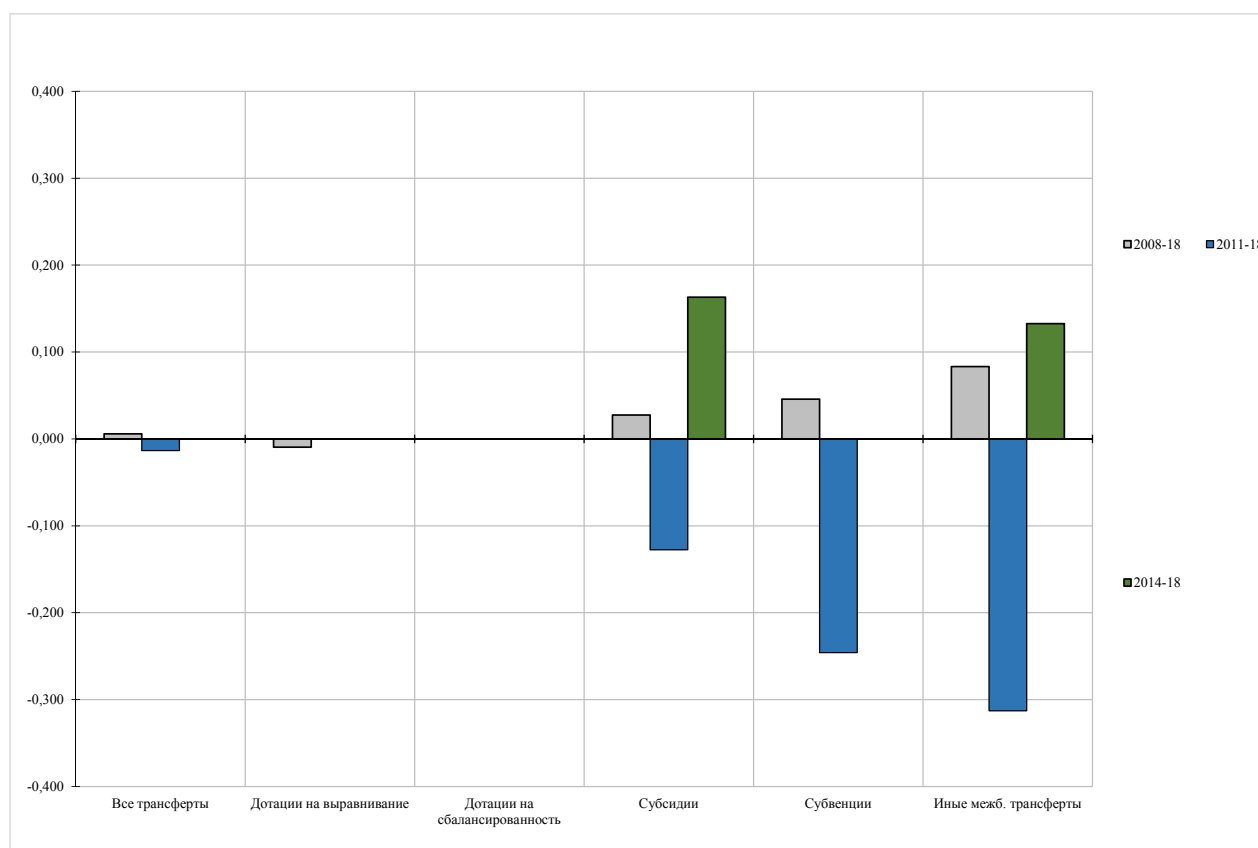

Рис. 9 / Fig. 9. Разница вклада фактора федерального трансферта и вклада частных доходов, северные субъекты / Difference between the contribution of the federal transfer factor and the contribution of private income factor, northern constituent entities

Источник / Source: по данным табл. 4 / based on Table 4.

действий — рост риска недостижения важнейших целей реализации национальных проектов в сферах развития человеческого капитала, комфортной среды жизнедеятельности и обеспечения экономического роста.

То, что сокращение потенциала федеральных трансфертов для расходов бюджета субъекта особенно выражено для федеральных субсидий, является крайне негативным обстоятельством с точки зрения реализации нацпроектов и иных инициатив федерального уровня, так как по линии субсидий выделяется наиболее весомая часть финансовой помощи.

Следует отметить уникальную роль иных федеральных межбюджетных трансфертов. Они обладают наиболее сильным влиянием на рост региональных расходов в сравнении с вкладом фактора частных доходов. Данный тезис справедлив вне зависимости от рассматриваемой группы субъектов.

Северные субъекты в силу своего состава, в части общего объема федеральных трансфертов напоминают ситуацию с группой субъектов с малым уровнем госдолга (рис. 9). Сравнительный вклад

фактора нецелевого трансферта крайне незначителен и местами — отрицателен. В то же время оценка роли целевых трансфертов неоднозначна: они обладают весьма сильным стимулирующим компонентом, в том числе в настоящее время. Это справедливо, в том числе, для субсидий, что нехарактерно для субъектов с относительно малой величиной задолженности. С другой стороны, отрицательное значение разницы вклада факторов в 2011–2018 гг. свидетельствует о качественно иной ситуации, наблюдавшейся в 2011–2015 гг. Данная находка, вероятно, требует дополнительных исследований относительно причин выявленного феномена.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволило установить, что в настоящее время в налогово-бюджетной системе России стимулирующая функция федеральных межбюджетных трансфертов снижается. В свою очередь, в терминах используемой в данной работе методики это снижает вероятность образования у органов власти регионов фискальных

стимулов выбора и адекватного (со-) финансирования тех направлений бюджетных расходов, которые тесно согласуются с интересами федерального уровня управления.

Тестируемая гипотеза того, почему наблюдается данная тенденция — сохранение в регионах России высокой долговой нагрузки бюджетов субъектов — нашла подтверждение. Долговое финансирование расходов прошлых периодов может сдерживать текущие расходы, финансируемые собственными доходами бюджетов в регионах. Замещение собственных расходов федеральными трансфертами с целью снижения накопленного долга создает риск недофинансирования мероприятий национальных проектов.

Сокращение потенциала федеральных трансфертов и особенно субсидий для расходов бюджета субъекта является негативным обстоятельством, так как это повышает риск недофинансирования реализации мер нацпроектов на региональном уровне. Иные межбюджетные трансферты, в отличие от субсидий, обладают наиболее сильным влиянием на рост региональных расходов, и он наблюдается вне зависимости от группы субъектов.

Северные субъекты России в части сравнительного анализа вклада фактора трансферта и фактора частных доходов похожи на общую группу субъектов с малым госдолгом. В то же время вклад фактора нецелевого трансферта для них крайне незначителен, но целевых трансфертов, в том числе субсидий — положителен.

В результате можно сформулировать следующие практические выводы:

- Функцию стимулирования региональных расходов в соответствии с приоритетами федерального бюджета выполняют только субсидии и иные межбюджетные трансферты. В связи с этим к методике выделения и структуре

субсидий и иных межбюджетных трансфертов следует подходить с повышенным вниманием и осторожностью, в том числе к реформированию инструмента иных межбюджетных трансфертов.

- В целях сохранения стимулов к расширению собственных расходов бюджетами субъектов в рамках реализации федеральных приоритетов развития целесообразно расширение возможных действий органов власти бюджета-получателя при распоряжении средствами федерального целевого трансферта, направленных на реализацию четко поставленной цели его выделения (иными словами, для сохранения функции стимулирования региональных расходов целесообразна дальнейшая реализация концепции блочного целевого трансферта).

- В то же время в целях снижения риска замещения федерального трансферта погашением величины регионального госдолга, возможно, целесообразно рассмотреть меры по некоторому сокращению уровня (коэффициента) федерального софинансирования для субъектов с относительно высоким уровнем долга. Несмотря на резкое сокращение функции федерального стимулирования, вклад фактора федерального трансферта в общие региональные расходы в регионах с относительно высокой задолженностью по-прежнему заметно выше, чем в регионах с относительно низким госдолгом. Проблема снижения долговой нагрузки на региональном уровне может быть более эффективно решена в рамках инструментов федеральной долговой политики, по сравнению с мерами в области выделения межбюджетных трансфертов (например, регулирование выделения бюджетных кредитов, соблюдение федеральных бюджетных правил уровня долга на региональном уровне).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дерюгин А.Н. Региональные бюджеты за первые четыре месяца 2019 г.: сохранение тенденций. *Экономическое развитие России*. 2019;26(6):81–85.
2. Васюнина М.Л. Оценка эффективности межбюджетных трансфертов субъектам Российской Федерации. *Экономика. Налоги. Право*. 2017;10(2):38–43. DOI: 10.26794/1999–849X-2017–10–2–38–43
3. Аландаров Р.А. Оценка соответствия межбюджетных отношений стратегическим целям развития Российской Федерации. *Экономика. Налоги. Право*. 2017;10(1):75–82. DOI: 10.26794/1999–849X-2017–10–1–75–82
4. Крейндел В.М. Диагностика доминирующего режима бюджетной политики субъектов Российской Федерации. *Экономическая политика*. 2008;(1):141–151.
5. Сучкова О.В., Чемис А.Ю. Оценка устойчивости государственного долга регионов России. *Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова*. 2019;(4):72–84. DOI: 10.21686/2413–2829–2019–4–72–84

6. Шаров В.Ф., Караев А.К. Устойчивость бюджетной системы и проблемы восстановления роста экономики России. *Финансы: теория и практика*. 2014;(5):73–83.
7. Строев П.В., Власюк Л.И. Долговая нагрузка регионов и региональная политика. *Финансы: теория и практика*. 2017;21(5):90–99. DOI: 10.26794/2587–5671–2017–21–5–90–99
8. Filimon R., Romer T., Rosenthal H. Asymmetric information and agenda control: The bases of monopoly power in public spending. *Journal of Public Economics*. 1982;17(1):51–70. DOI: 10.1016/0047–2727(82)90025–1
9. Inman R.P. The flypaper effect. NBER Working Paper. 2008;(14579). URL: <https://www.nber.org/papers/w14579.pdf>
10. Logan R. Fiscal illusion and the Grantor government. *Journal of Political Economy*. 1986;94(6):1304–1318. DOI: 10.1086/261434
11. Тимушев Е.Н. Доходы, гранты и фискальные стимулы: оценка и причины эффектов децентрализации бюджетной системы РФ. *Вопросы экономики*. 2018;(1):71–90. DOI: 10.32609/0042–8736–2018–1–71–90
12. Hines J.R., Thaler R.H. Anomalies: The flypaper effect. *The Journal of Economic Perspectives*. 1995;9(4):217–226. DOI: 10.1257/jep.9.4.217
13. Becker E. The illusion of fiscal illusion: Unsticking the flypaper effect. *Public Choice*. 1996;86(1–2):85–102. DOI: 10.1007/BF00114876
14. Slack E. Local fiscal response to intergovernmental transfers. *The Review of Economics and Statistics*. 1980;62(3):364–370. DOI: 10.2307/1927103
15. Megdal S.B. The flypaper effect revisited: An econometric explanation. *The Review of Economics and Statistics*. 1987;69(2):347–351. DOI: 10.2307/1927243
16. Blundell R., Bond S. Initial conditions and moment restrictions in dynamic panel data models. *Journal of Econometrics*. 1998;87(1):115–143. DOI: 10.1016/S 0304–4076(98)00009–8
17. Zouhaier H., Fatma M. Debt and economic growth. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2014;4(2):440–448. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/bb4c/477bba8787f3739c9f6f6ee3afd1673ca650.pdf>
18. Chudik A. et al. Is there a debt-threshold effect on output growth? *Review of Economics and Statistics*. 2017;99(1):135–150. DOI: 10.1162/REST_a_00593
19. Юшков А.О., Савулькин Л.И., Одинг Н.Ю. Межбюджетные отношения в России: все еще маятник? *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2017;(5):38–59. DOI: 10.17323/1999–5431–2017–0–5–38–59
20. Зилькарнай И.У. Почему Россия вновь скользит от федерализма к унитаризму. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2018;(5):116–132. DOI: 10.17323/1999–5431–2018–0–5–116–132
21. Клисторин В.И. Межуровневые финансовые потоки в бюджетной системе Российской Федерации. *Регион: экономика и социология*. 2018;(2):33–51. DOI: 10.15372/REG20180202
22. Дерюгин А. Бюджеты регионов в 2017 г. *Экономическое развитие России*. 2018;25(4):89–94.
23. Мамедов А.А. и др. Проблемы межбюджетных отношений в России. М.: Изд-во Института Гайдара; 2012. 188 с.
24. Божечкова А. и др. Стабилизационные свойства трансфертов, выделяемых регионам России из федерального бюджета. М.: Изд-во Института Гайдара; 2018. 68 с.
25. Бухарский В.В., Лавров А.М. Оценка выравнивающего и стимулирующего эффектов межбюджетных трансфертов субъектам РФ. *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал*. 2017;(1):9–21.
26. Туманянц К., Сесина Ю. Расходы на социальную политику российских регионов в координатах «затраты-результат». *Экономическая политика*. 2017;12(5):128–149. DOI: 10.18288/1994–5124–2017–5–07
27. Proaño C.R., Schoder C., Semmler W. Financial stress, sovereign debt and economic activity in industrialized countries: Evidence from dynamic threshold regressions. *Journal of International Money and Finance*. 2014;45:17–37. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2014.02.005
28. Berben R.-P., Brosens T. The impact of government debt on private consumption in OECD countries. *Economics Letters*. 2007;94(2):220–225. DOI: 10.1016/j.econlet.2006.06.033
29. Checherita-Westphal C., Rother P. The impact of high government debt on economic growth and its channels: An empirical investigation for the euro area. *European Economic Review*. 2012;56(7):1392–1405. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2012.06.007
30. Baum A., Checherita-Westphal C., Rother P. Debt and growth: New evidence for the euro area. *Journal of International Money and Finance*. 2013;32:809–821. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2012.07.004

31. Афанасьев М. П., Шаш Н. Н. Макроэкономические последствия роста государственного долга для российской экономики. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2016;(5):46–59.
32. Alexeev M. et al. Fiscal decentralization, budget discipline, and local finance reform in Russia's regions. *Public Finance Review*. 2019;47(4):679–717. DOI: 10.1177/1091142118804245
33. Neyapti B. Fiscal decentralization and deficits: International evidence. *European Journal of Political Economy*. 2010;26(2):155–166. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2010.01.001

REFERENCES

1. Deryugin A. N. Regional budgets for the first four months of 2019: Maintaining trends. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Developments*. 2019;(6):81–85. (In Russ.).
2. Vasyunina M. L. Evaluation of the effectiveness of inter-budget transfers to constituent entities of the Russian Federation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2017;10(2):38–43. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2017–10–2–38–43
3. Alandarov R. A. Assessment of the correspondence of intergovernmental relations to the strategic development goals of the Russian Federation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2017;10(1):75–82. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2017–10–1–75–82
4. Kreindel' V. M. Diagnostics of the dominant regime of budget policy of the subjects of the Russian Federation. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2008;(1):141–151. (In Russ.).
5. Suchkova O. V., Chemis A. Yu. Assessment of the sustainability of public debt of Russian regions. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2019;(4):72–84. (In Russ.). DOI: 10.21686/2413–2829–2019–4–72–84
6. Sharov V. F., Karaev A. K. Stability of the budget system and problems of recovery of growth of the Russian economy. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2014;(5):73–83. (In Russ.).
7. Stroev P. V., Vlasjuk L. I. Debt burden of regions and regional policy. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2017;21(5):90–99. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2017–21–5–90–99
8. Filimon R., Romer T., Rosenthal H. Asymmetric information and agenda control: The bases of monopoly power in public spending. *Journal of Public Economics*. 1982;17(1):51–70. DOI: 10.1016/0047–2727(82)90025–1
9. Inman R. P. The flypaper effect. NBER Working Paper. 2008;(14579). URL: <https://www.nber.org/papers/w14579.pdf>
10. Logan R. Fiscal illusion and the Grantor government. *Journal of Political Economy*. 1986;94(6):1304–1318. DOI: 10.1086/261434
11. Timushev E. N. Revenues, grants and fiscal incentives: Assessment and causes of the effects of decentralization of the budget system of the Russian Federation. *Voprosy ekonomiki*. 2018;(1):71–90. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2018–1–71–90
12. Hines J. R., Thaler R. H. Anomalies: The flypaper effect. *The Journal of Economic Perspectives*. 1995;9(4):217–226. DOI: 10.1257/jep.9.4.217
13. Becker E. The illusion of fiscal illusion: Unsticking the flypaper effect. *Public Choice*. 1996;86(1–2):85–102. DOI: 10.1007/BF00114876
14. Slack E. Local fiscal response to intergovernmental transfers. *The Review of Economics and Statistics*. 1980;62(3):364–370. DOI: 10.2307/1927103
15. Megdal S. B. The flypaper effect revisited: An econometric explanation. *The Review of Economics and Statistics*. 1987;69(2):347–351. DOI: 10.2307/1927243
16. Blundell R., Bond S. Initial conditions and moment restrictions in dynamic panel data models. *Journal of Econometrics*. 1998;87(1):115–143. DOI: 10.1016/S 0304–4076(98)00009–8
17. Zouhaier H., Fatma M. Debt and economic growth. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2014;4(2):440–448. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/bb4c/477bba8787f3739c9f6f6ee3afd1673ca650.pdf>
18. Chudik A. et al. Is there a debt-threshold effect on output growth? *Review of Economics and Statistics*. 2017;99(1):135–150. DOI: 10.1162/REST_a_00593
19. Yushkov A. O., Savul'kin I. L., Oding N. Yu. Intergovernmental relations in Russia: Still a pendulum? *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*. 2017;(5):38–59. (In Russ.). DOI: 10.17323/1999–5431–2017–0–5–38–59

20. Zulkarnay I.U. Why Russia has again been sliding from federalism to unitarianism. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*. 2018;(5):116–132. (In Russ.). DOI: 10.17323/1999–5431–2018–0–5–116–132
21. Klistorin V.I. Interlevel financial flows in the budgetary system of the Russian Federation. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*. 2018;(2):33–51. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20180202
22. Deryugin A. Regional budgets in 2017. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Developments*. 2018;25(4):89–94. (In Russ.).
23. Mamedov et al. Problems of intergovernmental relations in Russia. Moscow: Gaidar Institute Press; 2012. 188 p. (In Russ.).
24. Bozhechkova A. et al. Stabilization properties of transfers allocated to Russian regions from the federal budget. Moscow: Gaidar Institute Press; 2018. 68 p. (In Russ.).
25. Bukharsky V.V., Lavrov A.M. Assessment of leveling and stimulating effects of intergovernmental transfers to the subjects of the Russian Federation. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial Journal*. 2017;(1):9–21. (In Russ.).
26. Tumanlyants K., Cecina Yu. Expenditures on social policy of the Russian regions in the coordinates “cost-benefit”. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2017;12(5):128–149. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994–5124–2017–5–07
27. Proaño C.R., Schoder C., Semmler W. Financial stress, sovereign debt and economic activity in industrialized countries: Evidence from dynamic threshold regressions. *Journal of International Money and Finance*. 2014;45:17–37. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2014.02.005
28. Berben R.-P., Brosens T. The impact of government debt on private consumption in OECD countries. *Economics Letters*. 2007;94(2):220–225. DOI: 10.1016/j.econlet.2006.06.033
29. Checherita-Westphal C., Rother P. The impact of high government debt on economic growth and its channels: An empirical investigation for the euro area. *European Economic Review*. 2012;56(7):1392–1405. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2012.06.007
30. Baum A., Checherita-Westphal C., Rother P. Debt and growth: New evidence for the euro area. *Journal of International Money and Finance*. 2013;32:809–821. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2012.07.004
31. Afanasiev M.P., Shash N.N. Macroeconomic consequences of growing public debt for the Russian economy. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*. 2016;(5):46–59. (In Russ.).
32. Alexeev M. et al. Fiscal decentralization, budget discipline, and local finance reform in Russia's regions. *Public Finance Review*. 2019;47(4):679–717. DOI: 10.1177/1091142118804245
33. Neyapti B. Fiscal decentralization and deficits: International evidence. *European Journal of Political Economy*. 2010;26(2):155–166. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2010.01.001

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Евгений Николаевич Тимусhev — младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми, Россия

Evgenii N. Timushev — Junior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Scientific Center”, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic, Russia
evgeny_timushev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.11.2019; после рецензирования 05.12.2019; принята к публикации 20.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 21.11.2019; revised on 05.12.2019 and accepted for publication on 20.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.